

ПОПОВ ВАСИЛИЙ

НЕЛЮДИ, ПРОТИВОСТОЯНИЕ

18+

СУПЕР ИЗДАТЕЛЬСТВО

Василий Попов

Нелюди, противостояние

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Попов В. Л.

Нелюди, противостояние / В. Л. Попов — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Война. Паника. Миллионы смертей... в этой атмосфере сталкиваются два человеческих существа, одно удовлетворяет свои потребности, цель другого - месть. Они движутся друг другу навстречу долгой и кровавой дорогой. Поступки обоих в достижении своих целей заходят за рамки человеческого понимания.

*Не так ужасен дикий зверь,
Как страшен недочеловек.*

Тайга не пугала. Она поглощала полностью. Попадая сюда, человек становился частицей её. Такой же маленькой и хрупкой, как деревья, кустарники, птицы и звери. Даже самые свирепые и огромные (по человеческим меркам) звери казались песчинками в этом до конца не изведанном мире.

Цепочка живых существ передвигалась по таежным просторам. Точнее, полуживых – измотанных, голодных и подгоняемых страхом. Страхом пред смертью. Перед ее однозначностью – казнь. Трое были приговорены к расстрелу. Двое просто спасали свою шкуру в надежде избежать неминуемого попадания на фронт. Где также витала смерть. Хоть, возможно, и героическая, но беспощадная ко всем.

Побег. Он давал шанс выжить немногим. И уже двое из первоначальной группы лежали возле барачных лагерей, а тело одного висело в путанке колючей проволоки. Трупы не убирали – наглядный пример. Побег давал право выбора: встретить смерть в таежной глуши или от пуль на пути к свободе. Но даже эта смерть не была столь обреченной, как вынесенная приговором суда или трибуналом. Побег – рулетка.

Первые морозы снижали шансы на выживание и успех предпринятой попытки. Положительный фактор – сход вниз по реке на быстро смастеренном плоту. И уже не слышно лая собак, идущих по следу, криков солдат и выстрелов. В глазах засветилась надежда. Надежда на жизнь. На спасение.

– Привал! – раздался голос с металлическими нотками.

Быстрыми движениями собран сушняк. Первый костер с момента начала побега. Первый чай. Первый табак. И первые недовольства сквозь одышку.

– Раскудаhtался, падла...

– Тише! Не сейчас...

Уголовники, закулив, держались в стороне. Лицо молодого, с шальными глазами и рандолевыми зубами, застыло в оскале. Более взрослый зека вытер лицо рукавом фуфайки и, взглянув пустыми глазами в небо, добавил затянувшись:

– Время придет...

Затем все вместе грели руки возле костра и пили, пуская по кругу, пахнущий землей чай. Даже сделали по глотку жгучей жидкости из армейской фляги – трофей, оставшийся от смертельно раненого охранника. Проводив руку, убирающую флягу, четыре пары жадных глаз посмотрели в глаза её хозяина. Не во всех взглядах огоньки жадности погасли. Это не секрет и для лидера группы. Майор был не только старшим по званию среди бывших военных. Было в нем что-то властное, не военное. Подчиняющее.

И старый уголовник, повидавший людей, читал это. Его это не пугало. Наоборот – интересовало. Но торопливость его младшего товарища заставляла задумываться над опережающими действиями.

– Кажется, оторвались... – Старый зека показал потемневшие от чифиры зубы.

– Не факт, – произнес один из политических, тоже бывший военный. – По какой из рек мы спустились, знал только Игнатьев, но его нет с нами. – Ёжась, он затушил самокрутку о сырой валун. – С его слов, одна из четырех возвращается к лагерям.

Игнатьев в данный момент висел на колючке лагерного предзонника. Он притягивал взгляд остальных зека и других обитателей лагерей. Он единственный не принял ни одну из сторон – ни политических, ни уголовников. Его врожденное недоверие сыграло с ним злую шутку. В последнюю секунду перед побегом уголовники назвали ему отправную точку, «изме-

нившуюся» с момента окончательного утверждения плана. Это был первый раз, когда Игнатьев доверился. Так убрали потенциального врага.

– Так надо было колонуть его до упора, – взвыл Фикса, глядя на бывшего майора. – Вы же там шушукались за ширмой, голубки...

Взгляд холодных глаз «просвечивал» уголовника, как предмет неодушевленный.

– Остынь, Фикса, – одернул сотоварища старый зека. – Игнатьев знал: если он подробно опишет местность, он станет не нужен, а так он сыграл определенную роль в нашем спектакле – «псы» пошли в противоположную часть зоны...

В глазах бывшего майора на секунду загорелись искры и тут же погасли.

– Когда выдвигаемся, Ильич? – спросил лидера сиплым голосом третий политический. – Отдых тоже нужен...

Его слова прервал волчий вой. Он вызвал страх в глазах людей и ухмылку на лице Ильича. Ужасное звериное соло подхватил второй волк. Дуэт вселил панику в «побегушников».

– Вот и ответ, Андрей Сергеевич, вот и ответ. – И Ильич широким прыжком заскочил на заросший мхом валун и побежал.

Остальная четверка чертыхаясь последовала за ним.

Свобода каждому представлялась по-разному.

Старый зека по кличке Портной (странная для уголовного мира аналогия с судьями, что «шьют» дела), узнав о существовании ребенка из письма давно забытой заочницы, бежал к дочери. Устав от всего, он хотел прижаться к подростку с длинными косичками и вручить ей награбленное золото, не найденное «легалыми». Его одолевали неизвестно откуда возникшие угрызения совести и периодические вспышки туберкулеза.

Для Фиксы они шли к новым горизонтам блатной романтики. Малины, падшие женщины и все остальное... Его здоровье не было подточено лагерями и вольными разгулами. Он рассматривал политических как лишний балласт или как необходимые в пути «консервы». Понятие морали, соответственно, было недоступно этому индивидууму.

Андрей Сергеевич – бывший начальник продовольственного склада одной из военных частей – преследовал ту же цель, что и Портной. Он бежал отдать наворованное им своей семье. Жена и двое сыновей прислали весточку из эвакуации.

Двумя остальными двигала месть. Капитан милиции в первые дни войны был арестован по доносу коллеги, увидевшего в этом единственный способ подъема по карьерной лестнице. В месть было заложено все то, что бывший мент увидел и испытал на пересылках. Те чувства, те эмоции, что были пережиты во время ожидания приведения смертельного приговора в исполнение.

Ильич – пограничник, начальник заставы – покинул расположение части за несколько часов до начала войны. Его сняли с поезда на полпути. Он не смог объяснить мотивы своего поступка перед трибуналом. Личные мотивы. Была затронута честь его жены. Вести в родном городке распространялись очень быстро. Сейчас он двигался к источнику их распространения. Он верил в успех второй попытки. В справедливость. В знаки судьбы, одним из которых считал то, что до сих пор не был расстрелян.

Свела их судьба в одном из барачков. И побег друг без друга был невозможен, так как был сложен в силу ряда причин. Неудача в начале побега отдала преимущество политическим. Но и малая часть уцелевших уголовников была опасна.

– Ты можешь шарить только у девок под юбками, да по карманам рабочего класса, – остужал шепотом Фиксу на очередном привале Портной. – В тайге ты потеряшка, а он военный погранец, это его стихия... Не время еще, не время...

Ильич не только распознавал знаки и хорошо читал местность, видя ее в графическом изображении, но и знал людей. Одергивание молодого зека старым, было для него очевидным, как и то, что без него они в тайге слепы. Поэтому у него есть время.

Третьи сутки пути снизили скорость передвижения группы. Не хватало сна, тепла и еды. Запасы были контролируемы, но заканчивались. Ильич давал людям больше отдыхать, видя, как быстро устают бывший начсклада и старый уголовник. Они становились обузой. И он видел это еще до начала побега. Как и видя неравенство в группе, отдал двух уголовников на растерзание охраны лагеря и их собакам. Он знал, что Игнатьева уберут зеки как неопределившегося, поэтому сделал ответный ход.

– Надо что-то решать с ними, – кутался в лагерную фуфайку Семенов, бывший милиционер, когда они с Ильичом черпали воду из канавы. – Потом может быть поздно...

– Они не дети малые и орудуют заточками профессионально. – Ильич понимал: для зеков не было секретом, кем был Семенов на воле. – Не думай, что Портной он, потому что шитьем занимался – пришел он народу достаточно, тонким стержнем, с ушком, как у иглы... И висит он у него сейчас под фуфайкой на веревке.

Семенов собрал промерзшую клюкву в руку, съев и поморщившись от кислоты, проговорил:

– Любишь ты подбодрить, Ильич. Почему и дорог. – Он заглянул в зеленые глаза Ильича. – Знаю я все про него, только и я ждать, пока меня на лоскуты резать начнут, не буду, повидал я ворья всякого за годы службы...

Ильич посмотрел на удаляющуюся фигуру Семенова и представил его в форме идущего по коридорам власти и сплюнул. Он был из другого ведомства и любви к служащим в органах испытывал ровно столько, сколько и к уголовникам. Тем более, что человек, нанеший оскорбление его жене, был следователем по особо важным поручениям.

Сумерки сгущались очень быстро, заботливо окутывая лес. Крикнула где-то таежная птица. Из-за верхушек нетронутых буреломом деревьев показалась луна. Повеяло дымом, и Ильич увидел разгорающийся костер. Донесся приглушенный говор сотоварищей. Он отправился к ним, разрабатывая в голове менее кровавый план избавления.

К ночи температура понизилась. Все прижались ближе к костру, молча смотрели в пламя. Каждый видел в нем встречу со своей целью. Пахло табаком и лесом. Свет от костра проявил улыбки на некоторых лицах. До сидящих возле костра донесся голос Ильича сквозь сладкую дрему:

– Дежури по два часа. Я первый, потом Сергеич и Семенов, затем остальные...

Кто-то забормотал во сне. Раздался храп, заглушающий треск костра. Ильич подкинул дров. Пламя обняло свежие корявые отростки деревьев.

– Твари! – Крик Фиксы эхом разлетелся по тайге. – Вонючие твари! Портной! Они ушли...

Старый уголовник невероятно быстро оказался возле Фиксы.

– Глохни! – Портной схватил его за горло цепкой рукой. – Визжишь, как потерпевшая торговка на рынке.

Ему хватило беглого взгляда: костерок дотлевал в утренней мгле. На камнях лежала фляга и небольшой мешок с сухарями.

– Разошлись наши дорожки, разошлись...

– Что делать, Портной? – прохрипел Фикса, глядя в глаза старого уголовника.

– Ушли часов шесть назад, – бормотал под нос Портной, рассматривая следы, оставленные возле костра. – Далеко ушли, шаг у них хороший, военный. Не догоним. Ах, майор, майор...

– Что ты там бормочешь, старая гримза? – раздался крик за спиной.

Развернувшись, Портной увидел за спиной Фиксы огромный силуэт, сливающийся со стволами деревьев. Заточка вошла под ребра молодого зека. Оглянувшийся на медведя Фикса повернул голову и посмотрел в глаза Портного.

– Старый, ты чего...?

Раздался рык. Портной оттолкнул падающее тело Фиксы в сторону медведя. Бурый не изменил позы. Он смотрел на копошащегося человека. Тот собрал пожитки и попятился, выставив перед собой заточку, уходя вглубь тайги. Медведь, приняв хвываясь, медленно двинулся к лежащему телу человека.

Бывшие военные и бывший представитель органов покрыли большое расстояние. Отдыхали на привале в редких, пробившихся сквозь еловые деревья лучах солнца. Они еще грели. Сбежавшие подставляли лица солнцу и вдыхали свежий осенний воздух. Семенов вслушивался в шорох оставшейся кое-где промерзшей листвы.

Ильич с трудом оттащил его, увидев, как тот склонился над старым зеком на месте последней ночевки. Пограничник знал, что тайга сделает все сама.

Ильич только раз видел карту это района. В кабинете начальника лагеря.

– Ну... у меня тут много нарушителей и диверсантов, – издевался в открытую хозяин кабинета. – Будем работать вместе?

– Так мне партия выписала льготный билет, в один конец... – Ильич выпил стопку водки, налитой из графина размером с самовар. – Здесь дорога только молодым и здоровым...

– Ну-ну, – ухмыльнулся сытым лицом майор. – Да и положение не обязывает – приказа-то на тебя всё нет и нет.

– Ну, на нет и суда нет...

Взгляд Ильича притянула интересная развязка рек, находящихся возле лагерей. Если бы не этот замысловатый узор, напоминающий рукоделье матери, он вряд ли бы знал, в какую сторону им двигаться.

– Подъем. На том свете отдохнем...

Группа шла вдоль реки к ее узкому месту. Переход через бурный поток давал возможность на вновь сооруженном плоту спуститься по другой реке. И выйти к юго-западному направлению. Там их будут искать меньше всего. Это даст огромное преимущество перед преследователями.

Разыскную команду Ильич давно списал со счетов. Его беспокоил Портной со своим взрывным напарником. Было что-то в старом зеке, что говорило: это не последняя их встреча.

Они вышли к предполагаемому месту переправы. Даже на первый взгляд гряда камней говорила, что переход через реку хоть и сложен, но возможен. Это вызвало радостные улыбки на лицах. Ильич и сам ощутил облегчение. Это казалось реальной свободой. Не преследование бешеными псами – как людьми, так и животными. Не негласное противостояние с урками. Это свобода. В холодных брызгах воды. В морозном воздухе. В сгущающихся сумерках.

– Переход сегодня, плоты и спуск завтра! – Голос Ильича звенел среди шума реки.

– Есть, командир! – по-военному отдал честь Семенов.

Лица милиционера и начсклада светились. Они, видимо, до конца не верили в запланированное Ильичом. Такими он запомнил их навсегда.

Перешли не без трудностей, но быстро. Семенов едва не ускользнул в поток за мешком с остатками провианта. Выпив из фляги и растеревшись остатками, едва подсушив одежду, почти прижались вплотную к костру.

*

Людвиг вернулся с восточного фронта. Повышение по званию. Погоны оберштурмфюрера и железный крест притягивали взгляды людей на заполненных улицах Берлина. Все видели героя в молоденьком офицере. Все, кроме матери. Гертруда встретила сына на пороге их небольшого и уже слегка поникшего поместья. Матери было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что произошло с сыном за промежуток в два месяца. Точнее, что сделал он. Всклипывая, она отхлестала его по лицу своей морщинистой рукой.

– Не надо, мама. – Людвиг перехватил ее руку и нежно прижал старушку к себе. – Это рано или поздно должно было случиться. Ты же знаешь...

Она еще долго рыдала, сгорбившись возле кованого забора, ломая от досады ветки ею же подстриженного кустарника.

Сидя напротив сына за ужином в свете свечей, она задала лишь один вопрос:

– Кто это был?

Взгляд синих глаз сына застыл на пламени свечей. Он махнул вилкой в воздухе, словно дирижерской палочкой в такт звукам доносящейся музыки.

– Это был солдат, мам, спешу тебя уверить, такой же солдат, как и я...

Людвиг скинул кусок недоеденной телятины на пол собаке. Отпил вина и мягко проговорил:

– У меня короткий отпуск, и мне надо развлекаться. – Он, сняв салфетку и бросив ее на стол, театрально поклонился. – Я приглашен на вечер! Ты помнишь Георга? Мы учились вместе. Его младшая сестра окончила музыкальную школу по классу фортепьяно, грядет большой концерт, и я среди званных гостей.

Гертруда уронила руку на колени. Вилка упала на пол. Сын оказался рядом. Подняв прибор и поправив челку, он взглянул в блеклые глаза матери.

– Когда обратно? – раздалось чуть слышно.

– Завтра...

Она поправила белокурые волосы сына и зарыдала снова, закрыв лицо руками. Она просидела за столом всю ночь. Это была самая долгая ночь в ее жизни.

Людвиг был в центре внимания. Его просили рассказать о героических подвигах, о русских, о ближайших перспективах, о точной дате завоевания и порабощения вермахтом второсортных наций. Молодой человек вглядывался в светящиеся глаза и лица, понимая: как все они далеки от истины – они видят в войне лишь триумф и его празднование. Они даже не предполагают, как воняют окопы, что такое вши и как быстро распространяется запах неубранных трупов.

Даже офицеры, старшие его по званию, но застрявшие вдали от фронта, смотрели на него как на реликвию. Тем более, это был их знакомый. Или знакомый их друзей или родственников. Что говорить о женской аудитории. Взгляды полны восхищения и обещания любви до гроба. Людвиг танцевал со всеми. Он был нарасхват.

Складывалось впечатление, что он был виновником торжества, а не эта милая, с припухшими губами шатенка. Марлен. Он помнил ее пухлой милой глупышкой, которая строила ему глазки, когда он приходил в их дом после учебы. Она уже тогда оказывала знаки внимания, принося ему с кухни земляничные пирожные. А они смеялись с Георгом над ее смешной дикцией.

Теперь же она стояла возле своей матери, с томными глазами поглощая каждый жест, каждый взгляд внезапно появившегося героя. Она рвала салфетки, ревниво глядя на очередную партнершу, кружащую с ним в танце. Он видел это. И это кружило ему голову.

Людвиг не хотел останавливаться. Не хотел слушать расспросы о перспективах армии. Не хотел рассказывать – он устал. Он хотел лишь одного. И с каждым па танца он шел к этому. Когда музыка затихла, он отказал новой партнерше и, поклонившись публике, извинился и призвал всех попросить милую Мадлен исполнить одну из сонат, которая возвысила ее над всеми остальными конкурсантками.

Мадлен, слегка покраснев под аплодисменты, сделав неуклюжий шаг к роялю, остановилась. Но собравшись, грациозно поплыла к инструменту. Она села за него. Собравшиеся выдохнули. Людвиг затаил дыхание.

Играла она божественно. Не раз слышимая всеми мелодия известного мастера была слегка переделана девушкой. Она наращивала и замедляла темп, добавив несколько нот и пауз.

Георг схватил Людвига за руку и прошептал:

– Посмотри на ее руки, они великолепны, красивы и быстры...

– А я помню их измазанными земляничным вареньем...

Они оба прыснули от смеха. За что попали под критические взгляды и шиканье собравшихся.

Людвиг уже не был всеобщим героем. Мадлен. Мадлен заставляла своей игрой наслаждаться, переживать и восхищаться. Кто-то даже вытер слезу. Все-таки музыка! Она вечна. Неповторима и созидательна. А не разрушающая, как война и ее герои. Герои, несущие смерть.

Шквал оваций. Аплодисменты не затихали. Людвиг тоже рукоплескал, сбивая сухость желания игристым вином. Мадлен нашла взглядом Людвига и дала понять, что играла для него.

– Не пирожные, конечно, но... – пробормотал он.

– Что? – Людвиг услышал над ухом голос Георга.

– Бис! – крикнул он в ответ.

И толпа подхватила его. Мадлен вновь взглянула на Людвига. Во взгляде читалось желание и что-то многообещающее и бесконечное.

Не выдержав, он выбежал из особняка друга. На ходу он рвал пуговицы рубашки и вдыхал свежий воздух. Затем его рвало. Он долго боролся с рвотой, стоя на площади под вымпелами с символикой третьего рейха.

Сын появился под утро. Он долго смотрел в иссякшие глаза матери. Что-то лепетал несвязанное. Гертруда почувствовала все. Она проводила его до калитки. Она смотрела вслед уходящему на фронт сыну. Она видела его в последний раз.

*

Ильич проснулся от тяжести в голове. Голова гудела, как двигатель улетающего самолета. Боль была пульсацией. Веки с трудом раскрылись. Было светло и пахло паленым. Он увидел спину в фуфайке. Дернулся, но руки были стянуты за спиной.

– Очухался... – голос Портного пришел издалека.

Ильич пытался что-то сказать, но раздалось лишь мычание.

– Да-да, и тебе доброго утра.

Он увидел близко глаза старого урки и его седую шевелюру.

– Позавтракаешь? А то одному неудобно как-то...

В ответ раздалось лишь протяжное мычание.

– Да... Я тоже с утра без чая не могу.

Портной передвигался быстро. Или так казалось Ильичу. Пахло чем-то далеким и знакомым. Лицо уголовника вновь появилось перед глазами и, застыв портретным кадром, смазанное, исчезло. Ильич успел рассмотреть седую щетину, росшую клочками на лице Портного и его шевелящиеся губы.

– Скажу тебе, Семенов как человек был говно, так и сам жестковат... – Портной уже более четкой картинкой предстал перед Ильичом. – Да и смердит как-то от него....

Ильич взглянул в стабилизирующуюся картинку заднего плана – раскромсанные тела его сотоварищей лежали в неестественных позах.

– А вот складской ничего: чувствуется, что жрал какое-то время хорошо... – Он поднес к лицу Ильича кусок мяса, свисающего с небольшой деревянной рогатины. – Отведаешь?

Ком, подкативший к горлу бывшего пограничника, вырвался наружу. Затянутые за спиной руки уперлись в кору дерева и причинили боль. Он стиснул зубы. По подбородку текла желчь.

– Ну-ну, нежный ты, пограничник, а с виду сила в тебе немереная...

Несмотря на гул в голове, Ильич уже четко видел и слышал суету приготовлений Портного. Уголовник знал это и говорил с ним или... с самим собой.

– Подсобиться мне надо... Дорога дальняя, благо соль есть....

Ильич искал глазами тело Фиксы, но не находил его. Да и молодой горячий зека не оставил бы в живых пограничника. В его взгляде всегда читалась только ненависть к нему. Неясно было и то, почему Портной не убил его. Из-за этого представления?

– Мне же к дочурке надо! Подергать ее за косички перед смертью, а ты меня подыхать оставил... – Портной показал в оскале прочифиренные зубы. – Только не знал ты, что по малолетке поскитался я по сибирским просторам с папаней – село наше было в глуши... Да и по лесосплавам помотало меня, знаю лес я, знаю...

Портной ткнул в шею Ильича острой заточкой и посмотрел в его глаза. Во взгляде уголовника отразилось серое небо и неподдельный интерес.

– Мутный ты, как вода в трясине, такой же непроходимый. – Портной вглядывался в глаза Ильича, смердя запахом изо рта. – И страха в тебе нет, как будто видел всё, знаешь всё и прикоснулся ко всему. Демона в тебе чую...

Портной отстранился от Ильича и вновь занялся сборами. Ильич почувствовал запах заваренной травы.

– Я тебе оставлю здесь кое-что, не малой – разберешься... – Портной предстал перед Ильичом с вещмешком, смастеренным из лагерной робы. – Правда, гости тут шляются разные, точнее хозяева тайги, так что не расслаживайся тут, как на этапе!

Старый зека оскалился еще раз в улыбке и довольно ловко перепрыгнул через сломленный ствол дерева.

– Эй! – прохрипел Ильич.

Но в ответ только затихающий смех и шорох шагов. В воздухе пахло угасающим костром, мясом и смертью. Ильич провалился в забытие.

*

Людвиг сидел в офицерском купе поезда, что шел в сторону пункта сбора его группы. За окном поезда – белорусская железнодорожная станция. Военная техника на платформах, вагоны с солдатами и военнопленными. Машины с символикой красного креста, подвозящие к поездам раненых. Бело-красная масса издавала стоны, которые были слышны в купе. Раненые притягивали полные сочувствия взгляды солдат и офицеров.

Людвига это умиляло. Эти герои нации, получив ранения в боях с русскими, отправлялись в лазареты, а кто-то после лечения – в отпуск домой. Как еще недавно он, они станут всеобщими объектами внимания. Но ненадолго. Первенцы. Первые во всем всегда вызывают интерес. Потом они смешиваются с толпой, становятся частью ее.

– О чем вы думаете, Людвиг? – Капитан налил шнапса и предложил выпить. – Ваши глаза светятся, вы или влюбились, или вспомнили что-то очень приятное... Девушка?

– Да, – улыбнулся Людвиг, выпивая жгучую жидкость, – я помню ее маленькой, играющей в куклы. В отпуске я увидел Мадлен повзрослевшей. Такая красавица. Вспоминаю ее руки, ее запах...

– Ну-ну, солдат, – капитан постучал по спине Людвига, закашлявшегося от выпитого спиртного, – это отличный шнапс. А ваша девушка дождетс своего героя. Не так ли, Альберт?

– Да, – сказал слезающий с полки оберлейтенант-танкист, – героические подвиги кружат головы девушкам. Еще полгода назад моя Марта была неприступна, как крепость, за пять дней она успела пасть, как бастион, и женить меня на себе!

Они рассмеялись и выпили еще раз вместе. Поезд тронулся, унося их на восток. Раздался звук губной гармошки из соседнего купе. Глаза Людвига все еще улыбались, когда он поднимал шнапс «За победу!», «За фюрера!», глядя на растянутые в ухмылке слишком пухлые губы танкиста.

Из-за перегрузки железнодорожных веток и частичных разрушений Людвиг задержался в дороге. По прибытии его вызвали в полевую жандармерию. Один из «цепных псов фюрера»

стоял перед Людвигом, который не отрывал глаз от металлического горжета, висевшего на шее жандарма.

– Вы опоздали, Краузе!

– Проблемы с транспортным сообщением, знаете ли...

– Знаю!

Высокий рост майора позволял смотреть сверху вниз. Он, скинув кожаный плащ и перчатки, сел на дубовую скамью фронтовой землянки. Бывший штабной пункт русских.

– Отто!

Прибежал тощий подчиненный жандарма. Людвига смутило то, что на входе в землянку его встретили два крепких ефрейтора жандармерии.

– Стенографируй! – Майор выпил принесенный ему шнапс.

Он с минуту смотрел в глаза Людвига, еще минуту листал бумаги в папке.

– Чем занимается ваше подразделение, Краузе?

– Я не могу отвечать на подробные вопросы, – Людвиг улыбнулся, глядя в глаза, наполненные неприязнью, – и вам это известно, господин майор!

– Да-да, ваша группа на особом счету... – Жандарм тоже улыбнулся, прищурившись. – Так, праздный интерес. Я здесь не по этому вопросу. Догадываетесь?

– Нет.

– Мадлен Крюгер знакома вам?

– О да! – Людвиг заметно оживился. – Это сестра моего друга, моя подруга, к сожалению, не могу сказать, что что-то большее... А что случилось?

– Мертва! – Холодные глаза майора следили за реакцией Людвига. – Уже как неделю. И тело предано земле, частично...

Людвиг сжал лежащую на столе форменную пилотку и рванул ворот кителя. Жандарм налил приличную дозу шнапса. Людвиг залпом выпил.

– Как... как это произошло?

– Никто не знает, – ответил жандарм, глядя на раскачивающегося на скамье Людвига. – Что расскажете вы? Когда видели Крюгер в последний раз?

– В гостиной их дома. Она играла одно из произведений Листа; поразительно, ее музыка выворачивала наизнанку...

– Почему ушли раньше? – Майор сел на край стола.

– Не поверите, стало плохо. Они идеализировали меня, сделав героем, не представляя того, что значит война... – Людвиг слегка стучал кистью руки по поверхности грубого стола. – Меня рвало, потом я напился вдрызг, в двух кварталах от их дома – такой один из пропахших отбросами и пивом подвалов... Там... Но Мадлен!

– Успокойтесь, Краузе!

Майор пододвинул еще один стакан со шнапсом. Людвиг выпил его и запустил пальцы в свою шевелюру. Жандарм смотрел на поникшую фигуру, скрючившуюся за столом, как на тело сбитой в полете птицы.

– Идите отдыхать, Людвиг. – Жандарм, смягчившись, положил руку на плечо молодого человека. – Вам и так сегодня досталось...

Еле волоча ноги, Людвиг развернулся на выходе, жандарм едва разобрал шепот слов.

– Вы сказали, частично... Что это значит?

– Она была похоронена без кистей рук. Их нигде не удалось обнаружить...

Людвига вырвало на стену. В ее муторную земляную серость.

– Отто! – взвыл майор. – Убери его отсюда!

Его группа была собрана в одной из землянок. Когда Людвиг вошел в нее с серым, как земля, лицом, в глазах подчиненных появился страх. Они боялись его. Его приказов и его безумных, как и он сам, идей. Даже в глазах двух овчарок появился страх. Они скуля легли

у его ног. Он никогда не повышал голоса ни на подчиненных, ни на собак, но они боялись – этого тихого, безумного спокойствия.

– Ночью выступаем, – тихо произнес Людвиг, садясь на земляной топчан с накиданной на него горой форменной одежды. – Сейчас всем отдыхать!

Его люди с облегчением вырвались наружу. Затем под тяжестью его взгляда, поджав хвосты, выбежали собаки.

В воздухе царил неминуемый триумф перед утренней атакой. Однако скопление военной техники, затянутой в маскировочные накидки, в лучах заходящего солнца казалось вполне мирным. С восходом все изменится. Небо почернеет от гари и копоти. Воздух наполнится запахами горения пороха, смерти и страха. Но это все завтра. Сейчас боевая часть отдыхала. Часовые передвигались едва слышно.

Только в землянке Людвиг играл патефон, коптила русская керосинка и лился шнапс. Донесся вой собаки из-за натянутого брезента. Людвиг вскинул голову вверх и, закатив глаза, зашептал непонятные слова.

На рассвете танки и бронетранспортеры заполнили гулом воздух. Прошли несколько эскадрилий бомбардировщиков и штурмовиков. Раздались раскаты взрывов и эхо стрелкового оружия. Часть выдвинулась вперед. Взгляды солдат и офицеров были наполнены неприязнью; минуя навес, под которым проходил краткий инструктаж группы Людвиг, они отводили глаза. Все знали, что одновременно с ними на территорию противника войдут эти солдаты. Но не для ведения боя. Особая группа, особая задача.

*

Ильич очнулся от крика – птицы, воровато суетясь, клевали что-то возле едва дымящегося костра. Вороны были довольно крупные, каркая, они отнимали друг у друга пищу. Их крик эхом отдавался в голове. Они пробирались к телам все смелее и смелее. Запрыгали по безжизненным товарищам Ильича. От осознания происходящего и резкого импульсивного движения боль кольнула в голову. Ильич вновь провалился в забытие. Но даже без сознания он слышал голоса птиц.

Ему стало спокойней, когда показалось, что птицы говорят на человеческом языке. Он блуждал в мрачных коридорах, разыскивая близкие по сути существа. Закоулки бессознательной темноты были настолько черны, что он не мог найти выход из лабиринтов. Звуки, складываясь в слова, звали, маня чем-то многообещающим. Он искал их источники, до конца не понимая смысла. Раздался крик демона – хозяина лабиринтов. Он услышал тяжелое дыхание чудовища, эхом разносящееся по коридорам и проникающее в сознание.

Ильич открыл глаза. Птицы исчезли. Слышался лишь шум реки и шелест ветра. Голова болела меньше, но держать открытыми веки все еще было тяжело. Раздался шорох поблизости. Ильич с трудом повернул голову. Бурое пятно двигалось со стороны реки. Догадка шокировала. Человек затаил дыхание, следя за зверем. Но живое существо не интересовало медведя. Он целенаправленно двигался к телам возле костра.

Зверь долго обнюхивал все. Раздался удовлетворенный рык. Сунув в морду в одно из тел, он принялся, разрывая плоть, поглощать ее.

Ильич стиснул зубы во избежание крика. Но крикнула птица, находящаяся где-то позади его. Медведь развернул голову. Недовольно рыкнув, зверь направился в сторону человека. Ильич четко разглядел игру мышц под лоснящейся шкурой.

Так странно: человек не смог закрыть глаза, когда зверь приблизился. Не открыть от страха глаза было бы вполне объяснимо. Но Сейчас Ильич разглядывал огромную морду медведя. Чувствовал запах, исходящий от зверя. Видел собравшийся гной в уголках глаз. Глаз, что рассматривали человека. Огромный коричневый, с вкраплениями черного нос сжимался и разжимался, обнюхивая незваного гостя таежных просторов. Внезапно медведь отпрянул от человека и, рыкнув в ответ вновь крикнувшей птице, побежал к исковерканным телам.

Сквозь удары молота-сердца Ильич издал выдох облегчения. Озноб охватил выделившее потоотделения тело.

Встав в полный рост, медведь схватил за ногу одно из тел и потащил вглубь леса. Погибший милиционер, словно кукла, болтался в лапе дикого зверя и бился головой о кочки.

Единственный шанс. Медведь вернется и за вторым телом и, в итоге, за ним. Он дергал затекшие руки, преодолевая боль. В итоге он их освободил. Портной не сильно затянул веревки. Непонятно, почему?

Под крик птицы человек на ослабших конечностях подполз к костру. Алюминиевая кружка с водой. Слой пепла на поверхности. Запах копченого мяса. Быстрые глотки утоляют жажду. Но взгляд, брошенный на тело бывшего начсклада выворачивает Ильича наизнанку. Слышен далекий медвежий рык. Тревожный крик птицы. Ильич хватается попавший в поле зрения мешок, кружку и, качаясь на полусогнутых ногах, спотыкаясь о прибрежные валуны, уходит вдоль бурного потока. Головная боль не отпускает, усталость наливает веки свинцом, закрывая глаза. Страх. Все тот же страх заставлял их открывать и идти вперед.

Он шел и падал. Вставал и снова падал. Вставал и шёл. Разбиваясь о камни, снова падал. И снова шел. Услышав тревожный крик птиц, он оглянулся назад. С трудом различил в ландшафте бурое пятно, не спешадвигающееся за ним.

Река. Только она может спасти. Он оттолкнул от берега корневище дерева и свалился на него. Снова проваливаясь в темноту бессознательности, Ильич услышал звериный рев.

Несуразный плот уносил человека в потоке вниз по течению. Над неподвижным телом кружили птицы, перекрикиваясь между собой.

*

Бронетранспортер Людвиг двигался за двумя мотоциклами. Объезжал тлеющие останки техники и воронки. Повсюду валялись обезображенные войной тела. Солдаты. Как брошенные куклы в комнате сестры. Запах тления и разложения исходил от земли, породившей все живое. То живое, что, не задумываясь, превращает в мертвое себе подобное.

– Что там, Фридрих? – Людвиг вытер вспотевшее лицо платком и улыбнулся взошедшему солнцу.

– Село, господин оберштурмфюрер, – пожившись, ответил штурман СС, кивнув на дымящиеся полуразрушенные деревянные лачуги.

– Нам что-нибудь оставили варвары Франца? – Он поскрипел кожей перчаток.

– Там один сброд... Деревянный сарай с края села, – вместо Фридриха ответил Хельмут, появившийся с другой стороны.

– Не скажи, мой юный озорник, много самородков было возвращено из грязи – как природой, так и историей. В переносном смысле слова. – Людвиг взглянул на покрытое оспинами лицо Хельмута, поглощающего молоко, и улыбнулся. – Ты как-то быстро привык к русской кухне. Это может сыграть с тобой злую шутку.

Хельмут, оторвавшись от крынки, взглянул на командира, затем на показавшего кривые зубы Фридриха и, отбросив сосуд в сторону, запрыгнул в коляску мотоцикла.

Они стояли перед ним, прижимаясь друг другу. Дрожащие от страха. Словно овечки перед ведущим на бойню. Страх в глазах взрослых. Непонимание во взглядах жмущихся к ним детей.

Людвиг ходил вдоль толпы людей. В основном женщины и дети. Старики. Сзади рвали поводки собаки. Их успокаивали солдаты. Дыхание и скрип кожи его сапог и перчаток.

Какая палитра красок! Он любил смотреть в эти наполненные криком отчаяния и обреченности глаза. Если бы природа дала ему возможность писать, он выложил бы их оттенки на холстах в абстрактных формах. Будучи композитором, он смог бы дать каждому оттенку глаз свое сочетание нот, и получилась бы мелодия. Но он был солдат... И цвет наполненных слезами глаз людей менялся в свете зажженных по его приказу горелок огнеметов.

Людвиг присел перед маленькой девочкой, прижавшейся к своей матери. Косички светлых волос, голубые глаза. Бледная кожа. Она напомнила сестру. Именно такой он помнил ее, стоящую возле его кровати.

Людвиг взял крохотную ручку в свою, облаченную в черную кожу руку и посмотрел ребенку в глаза. Мать, взыв, инстинктивно отдернула ребенка. Зароптала толпа. Запричитали старики. Раздался плач. Людвиг поднялся.

– Она должна жить... – на отвратительном русском произнес он.

Женщина подняла дочь на руки. Прижала к себе и, прошептав что-то в ухо дочери, отдала его в руки Людвигу. Ребенок, не понимая, прижался к нему. А он, развернувшись, уходил прочь. Усилился плач и крики. Людвиг уносил с собой не только девочку – он уносил надежду.

Он увидел, как вспыхнуло пламя, отразившееся в глазах ребенка. Раздались крики. И стук сердца маленького существа, сжавшегося в комок.

– Хельмут!

– О мой бог! Это совсем ребенок... – принимая из рук командира девочку, произнес штурман.

– Мы на войне! Здесь не место соплям, ты солдат Вермахта. Боле того, солдат элиты СС. Займись ею!

– Да, мой оберштурмфюрер!

Людвиг, развернувшись, смотрел на полыхающий деревянный остов сарая. На пламя, поглотившее крики и беспощадно пожирающее человеческие тела. Порыв ветра донес запах сгоревшего мяса. Офицер улыбнулся, словно вспомнил что-то хорошее.

– Фридрих, распорядитесь – колбаски по-баварски! – Он взял за загривок одну из овчарок. – Сегодня колбаски, моя девочка, колбаски...

Собака прижалась к земле, высунув язык. Ее глаза бегали, животное боялось смотреть в глаза человека. Именно этого человека.

Пролетела пара истребителей, наполнив небо гулом. Взлетела красная ракета. Людвиг, закулив, направился к броневнику.

– Совсем ребенок... – раздались причитания.

– Хельмут! – взывал Людвиг, уже взбираясь по холодному металлу брони.

Они возвращались в расположение части. Навстречу двигался обоз с кухней и всеми своими «придатками». В глазах солдат открытая неприязнь к группе Людвигу.

– Посмотри, Фридрих, на этих воинов. – командир, свесившись из люка бронемашины, курил. – Ты куешь с ними победу бок о бок, а они в открытую ненавидят нас...

– Да, мой оберштурмфюрер... – Фридрих, сидя в кузове, отвернулся от Людвигу.

– Кто была твоя мама?

– Учитель в начальной школе.

– Интересная деталь, – Людвиг выбросил окуроч от сигареты. – Чему она тебя учила как мать и как педагог?

Фридрих задумался, поглаживая собак, лежащих возле его ног.

– Она учила меня любить Родину и землю, которая меня кормит, быть добрым к людям, несмотря ни на что. – Он хватал язык собаки, лижущей его руку. – Быть честным и воспитанным...

– И кем стал ты, Фридрих? – рассмеялся Людвиг. – Вором, карманником в годы отречения, которого спасла от камеры война!? На войне ты солдат карательной команды, которую в открытую ненавидит весь батальон. Неплохой карьерный рост, а?

– А что касается вас, оберштурмфюрер Краузе? – Фридрих сжал ошейник одной из собак. Раздался визг. – Вы-то командуете этой ненавистной командой...

– В том-то и дело, мой друг. – Людвиг задумался, вспоминая что-то. – Я никогда не был послушным мальчиком, меня всегда ставили в антипример: таким не должен быть человек современного поколения...

– Вам не хватало железной руки отца, оберштурмфюрер.

– Да, мой друг, он слишком рано покинул нас.

*

Ильич открыл глаза, ощутив, как вода попадает ему в рот. Его лихорадило. Корневище дерева, зацепившись за такие же мертвые отростки, прибилося к берегу реки, течение которой в этом месте было не таким бурным. Подтянутые к груди руки крепко сжимали мешок и кружку. Это вызвало усмешку. Горькую усмешку.

Ильич огляделся. Никого. Ни медведя, ни птиц. Только шум слабого течения и легкие порывы ветерка. Дрожа, он выбрался на берег.

Развязав мешок из лагерной робы, Ильич заглянул внутрь. Его вывернуло наизнанку. Его рвало вновь и вновь. Пока потоки желчи не прекратились.

Костер затрещал сушняком. Но лихорадка не отпускала. Он крутил колесо зажигалки, глядя в пустоту. Ильич не раз видел ее в руках Фиксы.

Почему Портной оставил его в живых? Едва связав и сунув в мешок все необходимое... Старый зека знал, что Ильич выкарабкается, дав ему эту возможность. Он знал про медведя. Он все знал.

Голод доводил до темноты в глазах. Заваренные листья и сморщенные от заморозков ягоды не спасали. Отогревшись, Ильич осмотрел все вокруг. Безжалостная тайга не давала шансов. Она как-то странно затихла. Словно толкала человека к бесчеловечному. К поступку, переворачивающему с ног на голову моральные ценности, вросшие корнями за века в человеческую сущность.

Он смотрел с ненавистью на мешок. Ильич знал, что там лежат куски слегка подгоревшего мяса. «Приготовленные» на скорую руку. Он знал, чья это плоть. Он знал, что он придет к этой плоти в итоге. Не знал когда. Разделяющий их барьер медленно рушил голод.

*

Молодая женщина сидела перед Людвигом. Рыжие длинные волосы свисали с ее плеч. Едва заметные веснушки напоминали офицеру о солнце, о весне и, как ни странно, о мире. О весенних прогулках по берлинским паркам. Та весна пьянила молодого человека винной ягодой. Война со своей кровью и смертью вгоняет Людвигу в тяжелый и неосознанный хмель. Этот диалог возвращал его в парящее состояние.

– ...Да-да, я слушал Чайковского и читал «Войну и Мир»... – Он смотрел в расширенные то ли от удивления, то ли от страха глаза учительницы литературы, сидящей напротив. – Я не считаю вас второсортной нацией... нисколько. Более того, огромное количество произведений искусств, сотворенных русскими мастерами, и всемирное признание не пустой звук. Вы меня понимаете?

– Да... – учительница опустила глаза.

Лидия. Он оставил ее. Подарил ей жизнь. Пусть на несколько дней. Пусть мимолетную. Но жизнь. Очередное село. Атаки и прорывы. Взятие. Толпа пленных. Снова большой сарай. Несозданная мелодия оттенков глаз. Всепоглощающее пламя.

Он забрал ее. Найдя в ней что-то. Горячая вода и душистое немецкое мыло облагородили ее. Беседа выделила наличие интеллекта, хоть и закрытого обстоятельствами – войной и смертью близких. Только на третий вечер она раскрепостилась. Отчасти.

– ...И насколько я знаю, для нашего фюрера, слушающего серьезную музыку, русские композиторы занимают далеко не последнее место в его симпатиях. – Людвиг пригубил вина. – Знаете, эстетика, искусство, по моему мнению, это все такое свободное, вдохновенно парящее, оно никак не ассоциируется с железной дисциплиной и пропагандой третьего рейха. Я пони-

маю это... – Тут Людвиг потерял мысль и встретил страх в светло-зеленых глазах сидящей напротив. – Вы слышали о Венской академии художеств?

– Нет. – Она все-таки выпила вина, отбросив рыжую прядь волос в сторону.

– Фюрера не приняли в академию искусств, не разглядев в нем художника! Что мы получили в итоге?

– Он добился признания другим путем? – Она впервые смело взглянула в его глаза.

– Именно. – Людвиг налил еще вина в трофейные бокалы. – Очевидно же, что лучше признание посредственного творца, чем рвущийся к власти диктатор.

– Смотря для кого.

– Для всех. Потери со всех сторон. – Людвиг откусил кусочек шоколада из рациона офицера вермахта. – Посмотрите на павшую на колени Европу!

– Странно слышать это от вас. – Лидия сделала глоток вина. – И более странно возлагать ответственность за массовые убийства на плечи приемной комиссии, не разглядевшей гения в бездарности...

Свалился платок с ее плеча. Людвиг сглотнул слюну, увидев это. Женщина не оставила его взгляд без внимания и, расценив все по-своему, потупила взор.

– Я не считаю, что нация, в которой рождаются гениальные люди, может быть низшей... Кстати, ваш немецкий очень неплох. Откуда у учителя литературы такие знания?

– Прилежание во время получения образования. – Лидия, допив вино в несколько глотков, поправила платок. – Но, видимо, не пригодится...

– Кто знает. Неизвестно, как сложится ваша судьба.

– Хорошо рассуждать о подобном с вашей позиции. – Она подтолкнула бокал к Людвигу. – Ваш интерес ко мне основан на плотских утехах...

– Плоть, – Людвиг улыбнулся, – имеет не единственное значение. Вам ли этого не знать. Я же рассматриваю лишь одно.

Молодая женщина рассмеялась, встряхнув рыжими волосами и взглянув на кровать, стоящую в углу. Людвиг, заметив это, улыбнулся и налил вина.

– Похоть... – это не главное для меня. Насилие как сам процесс мне неинтересен, а где-то даже отвратителен. Обстоятельства подчиняют. – Он увидел отражение пламени в ее глазах. – Эстетически я скорее гурман. Поужинаете со мной?

– Отчего ж нет... – Лидия снова отпила вина двумя большими глотками. – Семь бед – один ответ!

Из чемодана патефона, никак не из оркестровой ямы, лилась музыка «Лунной сонаты» Бетховена. Они сидели друг напротив друга. Два человека, два разнополых существа. С разными мыслями, противоположным мировосприятием. С абсолютными разными чувствами друг к другу, но на лицах обоих блуждала улыбка. Улыбка лицемерия. На лице одного она скрывала ненависть, на лице другого – утоление голода. Глаза обоих выдавали друг друга. Но игра продолжалась, несмотря ни на что.

– Не судите меня слишком строго... за подобное отношение к вам. – Людвиг взмахнул вилок, указывая на обстановку. – Вы, конечно, приятный собеседник и достойны лучшего, но война, сами понимаете...

– Ну что вы! Меня все устраивает: и компания, и прекрасная музыка... – Лидия запивала диалог неплохим французским вином.

– Как вам кухня, кстати? Мой повар...

– Знаете, вкусно. – Лицо женщины матовым оттенком играло в свете свечей. – Давно не ела мясо, а здесь и прожарка, и сочность впечатляют... Травы опять же, привкус, не пойму, что это – телятина или дикая птица?

– Что-то среднее между тем и другим, – Людвиг улыбнулся. – Как вам «Фауст» Гёте? Не поверю, что вы не читали его...

– Вы о первой части?

– М-м-м, вы знаете о второй? Глубокие познания, не дурно.

– Если вы себя ассоциируете с нечистой силой и предложите мне спасение от лица Фауста, то я воздержусь... – Лидия внезапно рассмеялась и не вполне вменяемо.

– Как Маргарита?!

– Да... Хотя я и не убивала свою дочь. Ее убили вы! – она захохотала так, словно была на грани потери рассудка. – Я буду ждать казни! Особенно после того, как отведала это мясо.

Волосы зашевелились на голове Людвиг. Он медленно поднимался, глядя на скидывающую с себя шерстяной платок женщину с горящими глазами.

– Вы знали, что вы ели!?

– Моя дочка была у моей сестры, когда туда пришли вы! Вы со своими слугами, вы, палач с окровавленными руками, – женщина шла к нему, скручивая платок, глаза ее полыхали, – забрали мое дитя, я шла к вам навстречу, я искала ее! Только здесь я услышала разговор ваших солдат и поняла, что с ней произошло!

Рука Людвиг потянулась к кобуре. Пламя свечей колыхалось, словно на ветру.

– Вы завтра так же накормите кого-то мною, вы низкое животное, рассуждающее о высоком, – Лидия подошла к нему вплотную, ее лицо было искажено от гнева. – Я проклинаю то существо, которое вас породило! Это не могла быть женщина...

Раздался выстрел, Лидия «наткнулась» на невидимую преграду и упала на пол. Вбежал Фридрих. Увидев тело, трясущееся в конвульсиях, он подбежал к ней. Заматывая платок на ране жертвы, штурман слышал шепот. Тело женщины обмякло в его руках.

– Что? – прохрипел Людвиг. – Что она сказала?

– Ад пуст, все бесы здесь... – повторил услышанное штурман, справляясь с дрожью.

– Шекспир...

– Что? – не понял Фридрих.

– Шекспир... Какая преданность литературе – умирая, цитировать строки великих. – Людвиг развернулся к вбежавшим в землянку подчиненным. – Мне не постичь эту нацию моим скудным умом...

*

Он ел его. Ел это пахнущее гарью мясо. Его внутренне я кричало, разрывая мозг и вызывая головную боль. Но голод не оставлял шансов.

Ильич переступил через себя и мораль. Он шел к своей цели и, преодолевая отвращение, утолил голод. Это придало сил. Он отбрасывал мысли, глодающие мозг.

Он шел, восстанавливая по памяти карту, увиденную в кабинете хозяина зоны. Бывший пограничник четко различал направление. Какая бы тайга ни была огромная и страшная, ориентиры, указывающие на стороны света, никто не отменял.

Его промежуточной целью был небольшой поселок в трехстах километрах от лагерей. Туда его должен привести очередной рукав реки. Там он был бы в безопасности. Оттуда шли товарники. Именно там была развязка железнодорожных веток. Оттуда он напрямую выйдет к своей основной цели. Только бы немцы не заняли его городок, только бы отступающая армия задержалась на клочке его родной земли.

Из скудных сводок, долетающих до осужденных и приговоренных, он знал, что военная машина вермахта сминала раздробленные группы советских войск по всему фронту. И его городок был не исключением. Немцы двигались в его направлении.

Мотаясь по пересылкам и этапам, он тут и там встречал боевых офицеров. Людей с опытом ведения боя, стратегических и тактических ходов в условиях военных действий. Испания, Финляндия, та же Монголия. Поражала та близорукость, с которой власть втаптывала в грязь истинных сынов отечества. Маниакальное унижение боевых офицеров. Маразм, поразивший насквозь верхушку власти.

Герои становились антигероями за секунды, врагами народа за время прочтения приговора. Ильич не жалел себя – он не нюхал пороха. Начальник заставы. Количество нарушителей за последний год резко возросло. Но он справлялся.

Он не мог забыть друга детства, вернувшегося из Испании. Героический летчик, сбивший десяток самолетов врага, сам стал врагом. Человеческая зависть к его героизму дала импульс к написанию доноса. Оброненная фраза во время застолья, посвященному герою, чуть неверно сформулированная и извращенно истолкованная, погубила аса.

«Жить и убивать тварей...»

Именно с такими словами он выживал в стенах казематов, за колючкой, в вонючих, переполненных вшами, болезнями и интригами бараках.

Именно с таким девизом он шел по тайге, замерзая от холода. Именно с такими словами он засыпал в шалашах, сделанных из веток ельника среди развороченных сломом деревьев и корневищ. С ними же он просыпался и снова шел.

«Ты обязан жить и убивать тварей!»

Он сидел вечерами перед костром, согреваясь его теплом и настоем из еловых иголок и мха. Голод. Он, насколько смог, растянул страшную еду, оставленную старым зеком. Она спасла. Она придала сил. Ильич покрыл большое расстояние за пять дней. Но до реки еще было далеко. За последние два дня он прошел немного. Сил не хватало. Он пытался компенсировать сном. Но этого было мало. Организм требовал пищи.

Ильич стоял над телом умершего лося. Животное было почти полностью изъедено птицами и млекопитающими. Внешний вид отпугивал. Но голод, овладевая разумом и обладая вторым голосом, уговаривал. Он знал, что животное могло умереть от болезни, да и трупный яд был смертелен. Тот факт, что лося «жрали» птицы и другие звери, убедил Ильича, и он вырвал часть мосла с остатками мяса и быстро пошел в нужном направлении.

Отточенными до автоматизма действиями он отрывал ветки елок. Сушняк. Костер. Огонь. Отвратительный запах готовящегося мяса.

Он смотрел на зажигалку уголовного, понимая: этот грубо сотворенный предмет спасал ему жизнь. Блатная фенечка, безделушка и нелепость оставляла в живых человеческое существо.

– Почему, Портной, почему?

Он уснул в шалаше, обглаживая кость животного, разжевывая грубую и вонючую материю, не похожую на человеческую пищу.

Следующий день он шел, борясь с лихорадкой. Сухость сбивал водой из покрытых тонких льдом ям. Отравление. Он боялся упасть. Он слышал шорохи и вой. Списывая все на галлюцинации, шел. Он четко различал покрытую мхом сторону деревьев.

Его рвало. Становилось легче, но ненадолго. Снова рвало. И он снова шел.

«Жить и убивать тварей... жить... и убивать».

Деревья обняли его своими толстыми ветками и уложили спать в ковер из хрустящей, почти черной листвы. Туман, а затем и вечерняя мгла укрыли его своей промозглостью. Но Ильичу было тепло. Он улыбался, погружаясь в заботливое покрывало смерти. Ему виделась колыбель, раскачивающаяся на плетеных ветвях, и слышалось убаюкивающее пение. Он засыпал, умирая, или умирал, засыпая...

*

– Что с вами, оберштурмфюрер? – Майор жандармерии переходил на визг. – У нас здесь фронт, а не театр, не развлечения... Что вы устраиваете? Даже то, что вы являетесь любимчиком группенфюрера, не делает вас недосыгаемым; есть приказы, и извольте их исполнять!

Лицо Людвига выражало усталость и недовольство. Он не понимал возмущений жандарма.

– Я их и исполняю. – Он переминался с ноги на ногу, желая сесть.

Наконец-то майор остыл и проявил снисходительность, указав на стул. Сам сел напротив, закуривая.

– Откуда вы родом?

– Берлин.

– Берлин... – мечтательно произнес майор. – Я не был дома с 39- го. – Минутная пауза. Худое лицо жандарма вновь стало суровым, глаза – стеклянными. – У вас есть приказ уничтожать! Что за привычка таскать пленных к себе?! Эта русская...

– Психологический опыт.

– Послушайте, после ваших опытов в батальоне стали обнаруживать спрятанных русских женщин. – Майор, не выдержав, разлил из фляги шнапса и выпил залпом. – Это подрывает моральный дух солдат. Они идут в бой не уничтожать противника, а искать себе очередное развлечение. Жестокость и дисциплина!?

– Это девиз нашего подразделения. – Людвиг был спокоен.

– Хватит мне ваших сказок, хватит! – Майор подпрыгнул, уронив стул. – Еще один пример, негативно влияющий на солдат, и я отправлю вас в штрафной батальон, можете там разлагаться, сколько хотите! И ни одна протекция не поможет вам...

– Я не понимаю вашей истерии, господин майор, мое подразделение делает все для победы, для фюрера. Мы уничтожаем население, я выполняю прямой приказ рейхсфюрера.

– Меньше личных контактов, оберштурмфюрер, меньше патетики и зрелищ! Неужели вам самому не противно? – Майор, подняв стул, сев и налив, выпил еще. – И что с вашим свидетельством по берлинскому делу?

– Я дал показания, и понятия не имею, на какой стадии...

– Майор! – раздался голос из-за брезентовой занавески, словно призыв умирающего. – Майор...

Жандарм круглыми от удивления глазами посмотрел на Людвига, застывшего с рюмкой шнапса возле рта. Осознание того, что они не одни в деревенском доме, пробежало по лицам обоих офицеров.

Послышалась возня и ненормативная лексика из-за брезента, имитирующего дверь. Шаги приближения. Оба офицера медленно поднялись. Рука жандарма потянулась к кобуре. Рука Людвига со шнапсом – к столу.

Из-за занавески вышел человек в черной форме. Словно демон из преисподней. В петлицах и на полевой пилотке в свете проявились символы подразделения – СС. Человек вытирал лицо, сбрызнутое водой.

– Хайль Гитлер! – спокойно произнес штурмбанфюрер Леманн. – Не даете поспать спокойно...

– Хайль... – проговорили нестройно офицеры.

– У вас еще есть дела в батальоне, майор? – устало спросил штурмбанфюрер.

– Так, пара нарушителей...

– Займетесь ими сейчас? – Он бросил перчатки на папку с делом Людвига.

– Так точно! – поднялся майор, с пониманием и неприязнью косясь на Краузе.

– И кто-нибудь здесь сделает кофе... нам с оберштурмфюрером? – Голос Леманна загремел, как гром, приводя в движение весь дом, оказавшийся «обитаемым», и он более тихо бросил: – Не стойте столбом, Людвиг, садитесь.

Пока штабные офицеры суеились вокруг их стола, Леманн листал бумаги, оставленные майором. Людвиг с интересом наблюдал за легендарной личностью. Мощное тело, бычья шея, неприятные глаза. Говорят, он попал в немилость «за несоблюдение субординации» и был отправлен на восточный фронт куратором. Временно. Но Краузе слышал другое.

– Для вас новая вводная, оберштурмфюрер, – глотнул кофе человек, обладающий взглядом, смотрящим «сквозь тебя». – Необходима небольшая коррекция в вашей работе. Как, кстати, ваши люди, справляются?

– Пока все в порядке. – Людвиг делал мелкие глотки противного эрзац-напитка.

– Не все выдерживают в расстрельных командах, – оценив степень непонимания на лице Людвига, пояснил Леманн. – Не слышали о случае с рейхсфюрером в Минске, возле расстрельной ямы?

– Так, в общих чертах.

– Да вы пейте, пейте! – Леманн кивнул на шнапс, видя, как морщится от кофе Людвиг. – Не все выдерживают... – Он усмехнулся «оскалом» маньяка. – Не все...

Штурмбанфюрер встал, открыл дверцу русской печки и бросил туда папку с бумагами на Людвига.

– Разрешено набирать для черной работы из прибалтов, русских и украинцев, пока только из этнических немцев. – Они оба смотрели, как в огне сгорали кляузы на оберштурмфюрера. – Подборкой кадров занимайтесь сами.

– Мне кажется, в этом нет необходимости.

Они посмотрели друг другу в глаза. В глазах – понимание и блеск, отражающий огонь. Улыбки на лицах, схожие с улыбками демонов с древних фресок.

– Подумайте. А теперь непосредственно о задачах вашего подразделения.

Офицеры сели за стол друг напротив друга. Два человека в черных одеждах. Два черных существа.

*

Сухие ветки кололи лицо. В голове тяжесть. С трудом открыв глаза, Ильич едва сфокусировал взгляд на предметах – из раздвоенных они собирались в целое. Во рту сухость. Справляясь с неподвижностью конечностей, он поднялся и шатаясь пошел к реке...

Река! Водный поток небыстрым течением огибал прибрежные валуны.

Он достиг цели. Уже не веря в это и борясь с недугом, вызванным отравлением. Он вспомнил, как съел замороженный мухомор. Невероятным образом доживший до поздней поры и невероятнейшим образом излечивший его. Пусть через галлюцинации, пусть через боль в почках и невыносимое жжение в мочеиспускательном канале, как следствие, кровь в каплях мочи. Но жизнь. Жизнь, дающая возможность продолжать существовать, убивать врагов.

«Жить и убивать тварей»...

Жажда, даже утоленная, не проходила. Жажда и голод. Ослабление зрения.

Но вот он – поток реки, который вынесет его к следующей промежуточной цели.

Ильич, разбивая колени о валуны, конструировал плот из прибитого к берегу слома. Не обращая внимания на птиц, предвестников появления врагов. Человеческих и нет. Сил не хватало. Тело била лихорадка.

Пробилось солнце сквозь мрак туч. Замерзшие руки не справлялись с узлами. Слезы сами текли из глаз. Челюсти болели от сжатия зубов. Жажда отошла. Он не замечал, как опорожнялся, моча штаны. Терзал голод, окуная его в помутнение. Зрение медленно восстанавливалось.

Над головой тревожный крик птиц. Ильич огляделся – бурое пятно, медленно идущее в его направлении.

– Сука... Жить и убивать тварей!

Ползая на четвереньках, он собрал свой скарб и, столкнув едва скрепленный плот, вошел в воду. С трудом взобравшись на мокрую древесину, он провалился в темноту.

Очнулся Ильич от того, что захлебывался. Его голова свисала с разваливающегося плота. Мешок спасти он не успел. С ним ушли под воду надежды на спасение.

– Жить... – прохрипел Ильич и, соскальзывая с развалившегося окончательно плота в воду, погреб к песочной отмели, выступающей на сгибе реки.

– Убивать тварей... – прошептал он, когда голова легла на песок, тело все еще оставалось в воде.

Придя в себя, он выбрался из воды. Тело деревенело вместе с одеждой. Движениями, отточенными до автоматизма, он собирал сушняк и составлял конструкцию костра. Он спешил, боясь, что руки откажутся двигаться раньше, чем он сможет зажечь зажигалку. Но осознание реальности навязала память – он вспомнил, что зажигалка осталась в мешке. С хрипом отчаяния он упал в незажженные дрова.

Его тело горело, оно скорее тлело над большим костром, и бесы растаскивали его на куски. Они рвали его, дергая за отрезки плоти. Куски были похожи на те, что он ел, доставая из мешка, оставленного Портным. Затем бесы влили в его глотку горящую лаву.

*

Очередная атака. Батальон наскоком занимает село за селом и проходит дальше, оставляя после себя пустоту. Запах гари и пороха. Тления и разложения. Запах смерти. Бой катится вперед, то нарастая какофонией звуков, то затихая. Под вечер стих совсем. Слышны лишь отдельные выстрелы.

Среди уцелевших домов села остановилась группа мотоциклов и автомобиль. Красноармейцы. Из домов выходят оставшиеся после боя мирные жители. Плачущая старушка с распростертыми руками идет навстречу к группе военных.

– Миленькие, спасители наши вернулись... – Пожилая женщина, причитая, повисла на руках солдат.

Но красноармейцы бесцеремонно оттолкнули причитающую, и группа разбежалась по уцелевшим домам. Раздались выстрелы, крики отчаяния и боли, слышался рев женщин. Потом все стихло. Из одного из домов вытолкали еще одну пожилую женщину.

– Что же вы делаете, ироды! Вы хуже немцев...

– Время такое, мать, – раздался ответ солдата Красной армии, кладущего в коляску мотоцикла награбленное. – Ты что-то взял, Колян?

– Есть немного, – донесся смех.

– Валю мою, – заплакала женщина, повиснув на плече стоящей на коленях односельчанки, – насильничали...

Небольшая колонна двинулась по дороге. Догорало село. Плач оставшихся в живых селянок. Целой осталась одна из хат.

Вскоре мотоцикл, едущий впереди колонны, наткнулся на немецкий патруль. Раздались автоматная очередь и вопль, извещающий о появлении русских.

Но громкий крик на немецком: «Благочестивая Марта!» остановил готовый начаться бой.

– Она уже не та! – раздался ответ и приглушенная ругань.

Подразделение Людвига возвращалось в расположение части.

– Вы настоящая свинья, Хельмут! – рассмеялся Людвиг. – Что вы там устроили?

– Мы лишь выполняли приказ, оберштурмфюрер, – ответил эсэсман, сидящий рядом с водителем. – А каким образом – командованию все равно. Результат налицо.

– Отличная работа, парни. А как наши балтийские коллеги?

– Они вели себя, как дикие псы, – ответил Фридрих. – Или как дикие свиньи.

– Что-то было для меня, Фридрих? – Людвиг заглянул с надеждой и жадностью в глаза подчиненного.

– Да, оберштурмфюрер... Не без этого.

– Надеюсь, ты не наследил? – Людвиг удовлетворенно вздохнул.

– Все в порядке.

Командир закрыл глаза, улыбаясь. Вечерний морозный воздух подавил запахи войны и возбудил голод. Людвиг был голоден. Он уже знал, что приготовят ему на ужин. На поздний ужин. Как хорошо иметь личного повара. Людвиг берег его. За что тот кормил его изысканными блюдами, проявляя всю фантазию в их приготовлении. Основа блюд была неизменна.

– Непременно Шуберт... – не открывая глаз, проговорил Людвиг.

– Я не расслышал, оберштурмфюрер.

– Шуберт, мой юный друг, Шуберт.

Повар уже с утра описал блюдо, которое он приготовит к позднему ужину при наличии необходимых ингредиентов. Блуждая в своих предвкушениях, Людвиг добавил туда французское коллекционное и неотъемлемую классику. Сегодня это и был Шуберт.

Заходя в дом и приготовленную для него комнату, он дистанцировался от ругани подчиненных, стягивающих с себя форму русских солдат. Все это вторично.

Ужин. Вино. Блюдо. Музыка. Музыка во всем: во вкусовых ощущениях, атмосфере затихших боев в преддверии новых наступлений.

*

Ильич шел на поправку. Он третьи сутки находился в доме лесника. Тепло и травяные отвары, сопровождаемые едва слышным шепотом хозяина, чудотворно делали свое дело.

Лесник, «здоровенный детина лет шестидесяти», так и остался крепким, каким был в молодости. Возраст подчеркивали выступающий вперед живот и седина. Ну и лицо – оно напоминало лик старца с икон, которые видел Ильич в доме бабки в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.